РАЗГОВАРИВАЯ СО СВОИМИ РОЛЯМИ: Л. СУХАРЕВСКАЯ

Фото А. Фомина.

ЛЕТ ДЕСЯТЬ тому назад я видела в Театре-студии киноактера «Гедду Габлер». Спектакль уже почти позабылся, но в памяти осталась Гедда — Лидия Павловна Сухаревская. В памяти осталось почти брезгливое равнодушие Гедды к людям, вызывающее презрение к проявлениям простых человеческих чувств... Гедда «лишена интереса к положительным началам жизни» — утверждала актриса с первого своего появления и приводила эту «красивую бесполезность» к катастрофе.

Последний акт Сухаревская играла великолепно. Одна за другой рушатся надежды: Гедде не удалось «держать в своих руках судьбу человека». Она еще цепляется за свои «прекрасные заблуждения», но эффектные позы, может быть, излишняя, даже для дочери норвежского генерала, экстравагантность движений и интонаций смягчается; внутренняя сосредоточенность, значительность каждого произнесенного слова, все говорит о том, что Гедда приняла окончательное решение... И тут Сухаревская совершает открытие: в характере истеричной, самовлюбленной и, в сущности, очень несчастной Гедды есть, оказывается, нечто такое, что не позволяет ей оклеветать мертвого Левборга или пойти на отвратительный компромисс с асессором Бранком... Лучше умереть!

Холодно, звонко, как стекляшки, брошенные в пустую вазу, звучат насмешливые слова, которые кинула Гедда на прощание асессору.

В таланте Сухаревской есть нечто привлекающее особое внимание зрителей. Если уж она появилась на сцене и произнесла пусть даже одну только реплику, ее сценическая судьба становится для нас очень важной, очень интересной. И для этого Сухаревской вовсе не обязательно играть главную роль...

Есть актеры, рядом с которыми трудно играть плохо. Сухаревская — такая. Вспомните спектакль Театра сатиры «Дом, где разбиваются сердца», вспомните этот спектакль, когда Хизиону играла Сухаревская. Она была его средоточием, мыслительным центром, эмоциональной доминантой... Ушла Сухаревская, и гармония нарушилась. Пошатнулось выстроенное постановщиком стройное сооружение спектакля. Все стали играть хуже, словно, покинув «Дом, где разбиваются сердца», Сухаревская унесла с собою и души партнеров.

Обычно говорят о ярком внешнем рисунке ролей Сухаревской, о ее способности находить характерный жест, произношение, походку... И все это для того, чтобы показать, что же у них, у всех этих сыгранных Сухаревской женщин, «там, внутри»... Дерзко сатиричен внешний облик старой миллиардерши Клер («Визит дамы»). Однако и в этом манекене, как в свое время и в Гедде Габлер, в этой ведьме, которая, по собственным ее словам, «сама — ад», Сухаревская ищет и находит человеческое... Последний диалог с Иллом. Движениями руки, в ритме любимой песенки, как бы магическими движениями Клер вызывает из прошлого их юность. О судьбе дочери говорит коротко, без всякого, казалось бы, отношения к этим трагическим событиям, словно боится наступить на свое сердце, как боятся наступить на больную ногу... Она знает: стоит только снять броню жестокости и цинизма, и злое, ожесточившееся ее сердце разорвется. Но... «разбили копилку»! И среди накопленной за страшную жизнь грязи, где-то на самом дне бесчеловечной души — человеческая любовь и человеческие слезы — дар давно ушедшей юности.

У Сухаревской отсутствует свойственное иногда даже очень хорошим актерам стремление продемонстрировать свои качества, свое мастерство в какой-нибудь знаменитой или просто эффектной роли. Взволновавшись чем-нибудь в жизни, начинает она искать в драматургии возможности поговорить об этом. Сухаревская, мне кажется, загорается темой, проблемой прежде всего как человек, а потом уже как актриса. Нельзя, разумеется, разграничивать эти понятия. Но я все-таки уверена, что Сухаревская идет не от ролей к жизни, а от жизни к ролям. Активная умственная энергия, незаурядная склонность к размышлению и анализу, умение привнести свое человеческое беспокойство в свое искусство — в этом, вероятно, современность творчества Сухаревской в лучшем, благородном смысле понятия.

«Я разговариваю со своими ролями» — это слова Элеоноры Дузе. Не ищите здесь никаких параллелей, но Лидия Павловна Сухаревская тоже разговаривает со своими ролями, разговаривает о людях, о времени. Не раз, я надеюсь, мы еще будем свидетелями этих умных, увлекательных бесед, из которых так много узнаем о жизни...

Н. РУМЯНЦЕВА.

«Советская культура» г. Москва
6 ИЮН 1967